

Взгляд

Вечность — понятие относительное

ДАРЬЯ ШБЕД

Не размениваясь на мелочи, поэт Михаил Шаль провозгласил, что «вечность — это слишком мало». Этот афоризм вполне отражает его потребность в обновлении. Рассказывая о книге, Миша говорит о целой системе взглядов на мир. Это видение любопытного, чуть ироничного и вдумчивого человека.

— Как создавалась книга?

— Это своеобразный отчет за прошедший 2012 год. Хотелось показать, как я развивался и чего достиг. Поэтому не стал выстраивать стихотворения в хронологическом порядке, а разбил все на три тематических блока. В первом каждое стихотворение повествует об авторе. Эти небольшие «части» меня расположили хаотично. Хотел, чтобы читатель пометался между гранями некой геометрической фигуры. Потом идут философские зарисовки. Это нейтральные по тональности произведения. Хотя кое-кто их находит грустными, их таковыми не считаю. Мне очень хотелось, чтобы читатель подумал над тем, что я ему предлагаю.

— Тебе важно быть нужным читателю?

— Конечно. Писать для себя — это лишь способ избавиться от эмоций, передав их бумаге. Нужность — обязательный аспект творчества. Все в мире происходит до тех пор, пока это необходимо.

БАЛЛАДА

ВЯЧЕСЛАВ ГУТНИКОВ

О второй мировой

Была война... И вороны, крича,
на поле брани радовались тленью,
а в это время в лагерных печах
людей сжигали просто,
как поленья.

...Не дрогнут
самы вновь математики,
не будет вновь страна
моя распята,
и не взойдут из сердца васильки
в семнадцать лет убитого
создата.

Пока гудят земные города,
в которых мы работаем,
как пчелы...

Благословите, люди, навсвегда
огонь труда и детский смех
веселый!

ОТКРОВЕНИЕ | Годы встреч уральца и сибиряка закрепляли наше взаимоуважение

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ,
член Союза писателей России

Каждое утро во мне
звучат слова Василия
Федорова:

«А жизни суть,
она проста:
Ее уста,
Его уста...»

Я сказал об этом
моей любимой
жене Елене, и она
потребовала, чтоб я
написал о Василии
Дмитриевиче Федо-
рове.

Когда я был принят в Литературный институт им. А. М. Горького, в этом знаменитом учебном заведении был вечер с чтением стихов свежеспеченными студентами и теми, кто уже занимался в нем.

Василий Федоров (на фото) запомнился мне высоким ростом, голубоглазостью, седым выкрутленным чубом. Его красота возвышала сибиряка, но стихами мне он тогда не очень-то пришелся. Зато пришлось талантом стихи жены Василия — Ларисы Левчик. Принятый на второй курс, я отказался от зачисления на третий. Меня посадили в аудиторию рядом с переводчиком с польского языка Михаилом Игнатовым. Он жил в доме переулка Садовских. Напротив известной столичной «глазной» больницы. Как-то он зазвал меня к себе в чистенькую комнатку. Не всегда у меня находились деньги на еду, и Михаил пригнал меня грешивой кашей и романом Федора Достоевского «Преступление и наказание». В соседнем подъезде того же дома я обнаружил Василия Федорова и Ларису Левчик. Мое сердце, когда я читал «Преступление и наказание», взволнованно болело стучало в стол. Мать Михаила Игнатова подолгу отсутствовала, работая в костюмерной МХАТа. Она обладала редкими знаниями: могла по пугавце определить век и время правления царя и царицы. Самой близкой подругой ее была стенографистка Политбюро ВКПб. Через Михаила я узнал редкую тайную подробность: после заседания Политбюро Сталин и Берия говорили по-грузински, и только потом принимались решенье.

Я вышел во двор приоткрыть от романа «Преступление и наказание» и

Звезды в стене

тут углядел Василия Федорова, который направлялся в садик за Геркой, сыном Ларисы, привезенной из Крыма, откуда она на свою квартиру выменяла московскую комнату. Когда не застал Михаила Игнатова дома, я изредка заходил к Василию и Ларисе. Сближало нас с Василием то, что во время Великой Отечественной войны он работал на авиационном заводе в Новосибирске. Он был мастером. И хотя я занимал на электростанции доменного цеха рядовую ответственную должность, мы относили друг друга к рабочему классу. Закрепили нашу дружбу противоречия с директором литинститута Петром Фатеевым и его заместителем по творчеству Василием Смирновым. За год до моей дипломной защиты Федорову они предложили перенести защиту на год.

Правительство Советского Союза продавало шедевры живописи для развития индустрии, что поэт не приветствовал. С этой целью правительство пожертвовало картину «Проданная Венера». Они, политики, не принимали взгляд Федорова на живописи как на высшее назначение культуры и развития и предложили его дипломную защиту сдвинуть на год. Василий согласился, а я подобное предложение не принял. Друзья по несчастью, мы встречались у Федоровых за столом. Иногда я оставался у них ночевать. И в одну из ночей увидел в стене комнаты шель, где сверкали звезды.

Я поклонялся Василию и Ларисе, однако сильно зауважал их за бытовую многотерпимость. Годы встреч уральца и сибиряка закрепляли взаимоуважение.

Произошел неожиданный случай. Прозак Станислав Мелешин и я постоянно общались с художником Георгием Соловьевым. Соловьев был из тех московских художников, кто приехал самым первым на строительство металлургического комбината у горы Магнитной.

Во время Великой Отечественной войны он работал на авиационном заводе в Новосибирске

Его рисунки и живописные полотна той поры мы включали в собственную судьбу. Он изображал то, чего не могли изобразить мы. Но то, что мы в стихах и прозе стали изображать, было позже, это и породило нас. Мы забегали к Соловьеву со своими свежими публикациями, надеясь на его серьезное восприятие.

Летом Георгий Соловьев навещался к себе на родину — в Москву. Однажды с прискорбием заскочил ко мне Станислав Мелешин и сказал, что я должен проститься с художником Соловьевым: он при смерти вернулся из Москвы. В Москве два медицинских института признали у него рак, и наши местные медики согласились с их трагическим выводом...

Я застал художника Геор-

гия Соловьева в постели. Он дышал так сыро, что я вспомнил своего соседа, лежащего в санпропускнике ремесленного училища с мокрым плевритом. Возвратясь от Георгия Соловьева, я позвонил главному врачу Магнитогорска с убеждением, что у Соловьева не рак, а мокрый плеврит. Мое соображение плеврит перекрыл возмущением: «Вы литератор и занимайтесь писательством. А в медицине не лезьте!» Оскорбленный

возмущением главврача, я позвонил в горком партии нашему куратору по культуре Леониду Михайловичу Шишмакову и рассказал о встрече с художником Соловьевым и о телефонном разговоре с главврачом Магнитогорска. Шишмаков приказал главврачу положить Георгия Соловьева в больницу на обследование, оно показало, что у Георгия Соловьева мокрый плеврит. Едва ли не в первый же день из него выкачали восемьсот граммов гнойного вещества. Тогда же главврач позвонил мне и сказал, что диагноз художнику я установил правильно. Еще в санпропускнике я догадался, что есть во мне предрасположенность к медицине.

Картинам Георгия Соловьева была присуща мерклость. Выздоровление обогатило его палитру. В подарок мне Соловьев написал хвойный лес, посреди

которого никлием блистало озеро. Картина произвела на Василия Федорова яркое впечатление, и он попросил подарить ее ему. Картину эту Соловьев написал мне за спасение. И я отказался переподарить картину. Это было в Магнитогорске. Однако Федоров возмечтал получить ее для своего музея на реке Яйя Кемеровской земли, и он приехал за ней в Калугу, куда я переселился с моей семьей. И я согласился передать ему картину Соловьева.

Щедрость сопровождает предшествующая щедрость. Василий и я сидели на берегу Оки, пили армянский коньяк, ели колечную колбасу и печеную картошку. Наш костерок, казалось нам, привлекал рыбака, который перетягивал с берега на берег донку. Вдруг он пришел к нам и подарил стерлядь. Его леска с помощью грузил ложилась на дно, а стерлядь трется о дно и зацепляется на крючки. Нежданный дар помог картине Георгия Соловьева водвориться в музей Василия Федорова на реке Яйя.

Звезды в стене, которые мерцали в комнате Василия и Ларисы Федоровых, часто сопровождают мое внутреннее зрение и приводят за собой стихи:

А жизни суть,
Она проста:
Ее уста,
Его уста...

И, не устоявший мысленно и вслух повторять эти строки, я счастлив жить по законам этой чудесной юности и гениальной простоты ☺